

М. В. ЗЕЛИКОВ

БАСКСКОЕ И ИБЕРО-РОМАНСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ПАРАЛЛЕЛИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОГО ОТНОШЕНИЯ)

Как известно, для образования сложных (аналитических) форм глагола в одних индоевропейских языках используются два вспомогательных глагола — «иметь» для переходных и «быть» для непереходных (скажем, в немецком, датском, французском); в других — только один глагол «иметь» (например, в английском, шведском, норвежском, португальском, румынском). Ср. франц. *j'ai fait* «я сделал», но *je suis parti* «я уехал»; англ. *I have done, I have gone*.

В основе «двуглагольности» — явления, общего для южногерманских и романских языков центральной Европы — галлороманских, аппенинороманских и ретороманского, вероятно, лежит какая-то общая типологическая черта западноевропейского языкового союза, в то время как периферийным ареалам (запад — север — восток) свойственна другая типологическая черта — «одноглагольность», связанная с утратой оппозиции «переходность — непереходность», являющейся относительно недавним образованием, заменившим в современных языках «противопоставление глагола действия и глагола состояния, представляющих собой древнейший слой, до которого доходит дальняя реконструкция залоговых оппозиций» [1, с. 91].

Испанский язык, о котором пойдет речь ниже, принадлежит ко второй группе языков. Хорошо известно, что использование одного вспомогательного глагола в иберо-романских относится к довольно поздним явлениям. В древнейших памятниках следы этой тенденции отсутствуют. Ср. «Песнь о моем Сиде»: *El dia es exido* (314) [2, с. 370]. В риоханском манускрипте XIII в. также употребляются два вспомогательных глагола — *aver* и *ser* [3, с. 228], так и в староарагонском: *yeran seydyos vnos*. В некоторых современных говорах Верхнего Арагона этот общероманский архаизм сохраняется (ср. в Ансо: *Ye pareşyu* = каст. *ha parecido*), несмотря на то что в большинстве говоров отмечается инновация (в Эчо: *émos íu* = каст. *hemos ido*; в Салленте: *a veniu* = каст. *ha venido*; в Болеа: *émoz ðwelta* = каст. *hemos vuelto* и др.) [4, с. 155; 2, с. 370].

Во многих языках глагол «иметь» исторически восходит к глаголу «быть», конструктивные способности которого проявились задолго до появления лексемы с семантикой «иметь» [5, с. 120]. Это отмечается для кельтского, греческого, латыни: лат. *est mihi liber*, которое предшествовало более позднему *habeo librum*. То же наблюдается и в древнеперсидском в пассивных конструкциях типа *ima tya mana // maiy kartam(asty)* «это, что у меня (мною) сделанное есть» (Д. И. Эдельман). Указанное явление сохраняется и в современных кельтских языках, где в ирландском: *tá gúna nua agam* букв. «есть юбка новая со мной», *tá sa bhaille* букв. «есть он дома», в валлийском: *mae'n cas gen i* букв. «есть ненависть со мной» (рядом с *fy nghaf* «я имею» исходная форма *cael* «иметь»). Как показали специальные исследования, в большинстве языков мира не существует лек-